

Глава 1

ДЖИВС И ГРОЗНАЯ ПОСТУПЬ РОКА

Стояло утро того дня, когда мне было предписано смчаться сломя голову к моей тетке Агате в Вуллем-Черси, графство Хартфордшир, чтобы провести там целых три недели, и, сидя за завтраком, я чувствовал — не побоюсь признаться, — что сердце мне придавил увесистый булыжник. Мы, Вустеры, славимся отвагой и мужеством, но в ту минуту под внешней твердостью во мне гнезвился безотчетный страх.

— Дживс, — сказал я, — нет больше прежнего, веселого Бертрама.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс. Он испарился, улетучился.

— Весьма огорчен, сэр.

Он снял крышку с блюда, на котором благоухала яичница с беконом, и я уныло ковырнул ее вилкой.

— Зачем?! Зачем, спрашиваю я себя, зачем тетка Агата приглашает меня в свое поместье?

— Не могу сказать, сэр.

— Она же меня терпеть не может.

— Это верно, сэр.

— Я ей как кость в горле, это общеизвестный факт. Ума не приложу, в чем тут дело, но всякий

раз, как наши с тетушкой Агатой дорожки сходятся, я рано или поздно попадаю, мягко говоря, впросак, и она заносит над моей головой карающий топор. Кто я в ее глазах, как не жалкий червь и отброс общества! Дживс, я прав или нет, как вы полагаете?

— Совершенно правы, сэр.

— И тем не менее тетушка требует, чтобы я отменил все ранее назначенные встречи и летел на всех парах в Вуллем-Черси. У нее наверняка какие-то гнусные расчеты, о которых нам с вами ничего не известно. У меня на сердце камень, но ответьте, Дживс, — поднимется ли у вас рука осуждать за это своего господина?

— Никогда, сэр. Прошу прощения, сэр, но, кажется, звонят в дверь.

Дживс растворился в воздухе, а я еще раз вяло ткнул вилкой в яичницу с беконом.

— Телеграмма, сэр, — сказал Дживс, возникающая в пространстве.

— Вскройте ее, Дживс, и прочтите. От кого она?

— Она без подписи, сэр.

— Вы хотите сказать, в конце нет имени?

— Как раз это я и стремился выразить, сэр.

— Дайте взглянуть.

Я внимательно вчитался в текст. Телеграмма была странная. Очень странная. Другого слова не подберешь. Вот что там значилось:

Запомни когда здесь появишься жизненно необходимо прикинуться незнакомыми.

Мы, Вустеры, не отличаемся быстрой сообразительностью, особенно поутру, и я ощутил тупую боль между бровями.

— Дживс, что это значит?

— Понятия не имею, сэр.

— Тут написано «когда здесь появишься». Где это «здесь»?

— Обратите внимание, сэр, телеграмма отправлена из Вуллем-Черси, сэр.

— Совершенно верно. Из Вуллем, как вы тонко подметили, Черси. Это нам о чем-то говорит, Дживс.

— О чем именно, сэр?

— Не знаю. Может быть, телеграмма от тетушки Агаты, как вы думаете?

— Вряд ли, сэр.

— Верно, вы опять правы. В таком случае с полным основанием можно утверждать только то, что некто неизвестный, проживающий в Вуллем-Черси, считает жизненно необходимым, чтобы я прикинулся незнакомым с ним. Дживс, но почему я должен прикинуться, что мы не знакомы?

— Понятия не имею, сэр.

— Однако если посмотреть с другой стороны, то почему бы и не прикинуться?

— Совершенно справедливо, сэр.

— В таком случае из этого следует, что имеет место некая тайна и только время поможет ее раскрыть. А нам, Дживс, остается лишь ждать.

— Именно это я и хотел сказать, сэр.

Я прибыл в Вуллем-Черси около четырех и застал тетю Агату в ее кабинете за сочинением писем. Насколько я знаю свою тетушку, она всегда писала людям гадости с ядовитыми постскриптами. Взгляд, которым она меня наградила, не сиял от радости.

— А, это ты, Берти.

— Да, я.

— У тебя нос в саже.

Я усердно поработал носовым платком.

— Хорошо, что ты приехал пораньше. Хочу перемолвиться с тобой словом до того, как ты встретишься с мистером Филмером.

— С кем?

— С мистером Филмером, это член кабинета министров. Он у нас сейчас гостит. Неужели ты не слышал о мистере Филмере? Быть такого не может!

— Конечно, слышал! — сказал я, хотя понятия не имею, что это за тип. Я плохо разбираюсь в наших политических деятелях.

— Желательно, чтобы ты произвел на мистера Филмера хорошее впечатление.

— Нет проблем.

— Оставь этот развязный тон. И не думай, будто тебе ничего не стоит произвести на мистера Филмера хорошее впечатление. Он известный политический деятель, выдающаяся личность, и его ждет великое будущее. А ты легкомысленный, никчемный и пустой оболтус. Скорее всего, мистер Филмер отнесется к тебе настороженно.

Неприятно слышать такое поношение из уст

кровной родственницы, — впрочем, мне не привыкать.

— Поэтому здесь ты должен постараться не выглядеть легкомысленным, никчемным и пустым оболтусом. Прежде всего ты бросишь курить.

— Ну, знаете!

— Мистер Филмер — президент Лиги противников курения. Второе: ты откажешься от употребления алкогольных напитков.

— Пропади все пропадом!

— И сделай одолжение, не вздумай заводить речь о барах, бильярдных и актрисах. Мистер Филмер будет составлять о тебе мнение главным образом из бесед с тобой.

Тут я затронул принципиальный вопрос:

— Хорошо, но зачем я должен производить впечатление на этого... на мистера Филмера?

— Затем, что таково мое желание, — отрезала тетка, бросив на меня суровый взгляд.

Не самый находчивый ответ, можно бы придумать и получше, но другого объяснения мне не дождался, и потому я поспешно ретировался с ощущением сердечной тоски.

Я побрел в парк, и первый, на кого я наткнулся, был Бинго Литтл, провалиться мне на месте.

Мы с ним дружим, можно сказать, с пеленок. Родились в одном городке, чуть не в один день, вместе пошли в детский сад, потом в Итон и в Оксфорд, а достигнув зрелых лет, на славу покутили в добром старом Лондоне. Если кто и может облегчить крестные муки моего пребы-

вания в этом вредоносном месте, так это Бинго Литтл.

Но как он здесь оказался, было выше моего разумения. Не так давно он женился на известной писательнице Розе М. Бэнкс, и когда я видел его в последний раз, он готовился ехать с женой в Америку, куда ее пригласили читать лекции. Отлично помню, как он проклинал все на свете, потому что из-за этого путешествия придется пропустить скачки в Аскоте.

И как ни странно, он сейчас находился здесь. Мне не терпелось увидеть лицо друга, и я завопил, как на охоте:

— Бинго!

Он обернулся, и, поверьте, то, что я увидел, не было лицом друга. Лицо было все перекошено. Он замахал руками, будто сигнальщик на вахте.

— Ш-ш, — зашипел он. — Хочешь меня погубить?

— А?

— Не получил мою телеграмму?

— Значит, это была твоя телеграмма?

— Разумеется, моя.

— Тогда почему ты не подписался?

— Я подписался.

— В том-то и дело, что нет. Я ничего не понял.

— Но ты ведь получил мое письмо.

— Какое письмо?

— Мое письмо.

— Не получал я никакого письма.

— Значит, я забыл его отправить. Я тебе сообщил, что нахожусь здесь как репетитор твоего

двоюродного брата Томаса и что, когда мы встретимся, ты должен сделать вид, будто мы незнакомы. Это для меня очень важно.

— Но почему?

— Если твоя тетка догадается, что я твой друг, она тут же откажет мне от места.

— Почему?

Бинго поднял брови:

— Почему? Берти, ну ты сам подумай. Если бы ты был твоей теткой и знал, что ты за тип, допустил бы ты, чтобы твой ближайший друг был наставником твоего сына?

Моя бедная голова пошла кругом, но скоро я все-таки сообразил, что в его словах кроется много суровой правды и здравого смысла. Однако Бинго не объяснил мне, в чем суть или, если хотите, смысл этой таинственной истории.

— Я думал, ты в Америке, — сказал я.

— Нет, я не в Америке.

— Почему?

— Не важно. Не в Америке, и все.

— Зачем ты нанялся в репетиторы?

— Не важно. Есть причины. Берти, я хочу, чтобы ты хорошенько вбил себе в голову, намертво вбил: никто не должен заподозрить, что мы с тобой друзья. Позавчера этого мерзкого мальчишку, твоего кузена, застучали с сигаретой, он курил, забравшись в кусты, и из-за этого мое положение здесь сильно пошатнулось. Твоя тетка сказала, что, если бы я надлежащим образом следил за ребенком, ничего подобного бы не произошло. И теперь, стоит ей обнаружить, что

мы с тобой друзья, она тут же вышвырнет меня вон, спасения нет. А я должен остаться здесь, это вопрос жизни и смерти.

— Почему?

— Не важно почему.

В этот миг, видимо, послышались чьи-то шаги, и он проворно нырнул за лавровый куст. А я поплелся к Дживсу, дабы обсудить с ним эти странные события.

— Дживс, — сказал я, входя в спальню, где он распаковывал мои чемоданы, — вы помните ту телеграмму?

— Да, сэр.

— Ее отправил мистер Литтл. Он живет здесь в качестве воспитателя моего кузена Томаса.

— В самом деле, сэр?

— Ничего не понимаю. Ведь он вольная птица. Может ли вольная птица без всякой на то причины поселиться в доме, где живет моя тетька Агата?

— Весьма эксцентричный поступок, сэр.

— Более того, станет ли кто-нибудь по доброй воле, просто ради удовольствия, заниматься обучением моего кузена Томаса, известного тупицы и изверга рода человеческого?

— Крайне проблематично, сэр.

— Тайна за семью печатями, Дживс.

— Совершенно верно, сэр.

— И что самое ужасное в этой истории: чтобы сохранить за собой место, мистер Литтл шарается от меня как от прокаженного. И значит, умирает моя единственная надежда сколь-нибудь

пристойно провести время среди этой мерзости запустения. Дживс, известно ли вам, что тетка запретила мне курить, пока я здесь нахожусь?

— Возможно ли это, сэр?

— И пить тоже.

— Но почему, сэр?

— Потому что она желает из каких-то неведомых мне побуждений, которых не хочет раскрывать, чтобы я произвел хорошее впечатление на некоего Филмера.

— Весьма неприятно, сэр. Однако многие врачи, как мне известно, приветствуют подобное воздержание как путь к оздоровлению организма. Они утверждают, что при этом улучшается кровообращение и обеспечивается защита кровеносных сосудов от преждевременного затвердения.

— В самом деле? В следующий раз передайте этим вашим врачам, что они ослы.

— Слушаюсь, сэр.

Окидывая взором свое богатое событиями прошлое, могу с уверенностью сказать, что с этой минуты потянулась череда самых тоскливых дней, какие выпали на мою долю. Ни тебе выпить животворящего коктейля перед обедом, ни выкурить с наслаждением сигарету, ибо каждый раз приходилось распластываться в спальне на полу и выпускать сигаретный дым в камин. А каково постоянно наткаться на тетю Агату в самых неожиданных местах? А нравственные мучения из-за необходимости якшаться с досто-

почтенным А. Б. Филмером? Так недолго и умом тронуться.

Каждый день я играл с достойным Ф. в гольф. Чего только не вынес Бертрам, влача это непосильное бремя: в кровь кусал губы, до боли сжимал кулаки. Играл достойный Ф. из рук вон плохо, при этом болтал не закрывая рта, так что у меня в глазах темнело. Словом, я стал отчаянно жалеть себя. И вот однажды вечером, когда я одевался к обеду, ко мне в комнату проскользнул Бинго и отвлек от моих собственных забот.

Если друг попал в переделку, мы, Вустеры, мгновенно забываем о себе. А старина Бинго влип по уши, это было видно невооруженным глазом. Он напоминал кошку, которую только что пнули и уже занесли ногу, чтобы пнуть еще раз.

— Берти, — сказал Бинго, уселся на кровать и помолчал минуту-другую, насыщая пространство тоской и унынием, — в каком состоянии сейчас Дживсовы мозги?

— По-моему, крутятся на полных оборотах. Дживс, как насчет серого вещества? Оно у вас хорошо функционирует?

— Да, сэр.

— Слава богу, — сказал Бинго, — потому что мне требуется наисерьезнейший совет. Если здравомыслящие люди не предпримут решительных шагов, чтобы мне помочь, мое имя будет втоптанно в грязь.

— Что у тебя стряслось, старина? — сочувственно спросил я.

Бинго теребил покрывало.

— Сейчас расскажу, — сказал он. — И объясню, почему я торчу в этом треклятом доме и вожусь с мальчишкой, которого следует хорошенько отходить розгой, а не обучать латыни и греческому. Берти, я здесь потому, что для меня это единственный выход. В последнюю минуту перед тем, как отплыть в Америку, Рози решила, что мне лучше остаться и присматривать за нашим китайским мопсом. Она оставила мне две сотни фунтов стерлингов продержаться до ее возвращения. Этой суммы, распредели я ее рачительно на весь срок, вполне хватило бы нам с мопсом на жизнь в умеренном благополучии. Ах, Берти, Берти, ты и сам все понимаешь.

— Что понимаю?

— Кто-то подкатывается к тебе в клубе и начинает убеждать, что, мол, есть одна кляча, которая непременно выиграет скачки, даже если подхватит люмбаго и гельминтоз в десяти ярдах от старта. Я был уверен, Берти, что выгодно вложил капитал в надежное дело.

— То есть ты поставил все деньги на эту лошадь?

Бинго горько засмеялся:

— Если ее можно назвать лошадкой. Не рвани она перед финишем, стала бы участницей следующего заезда. Словом, она пришла последней, и я оказался в ужасном положении. Любым путем надо было изыскать средства к существованию до возвращения Рози, чтобы она ничего не узнала. Рози — прекрасная женщина, но, будь

ты женат, Берти, ты бы знал — даже лучшая из жен придет в негодование, обнаружив, что муж просадил все деньги на скачках. Вы со мной согласны, Дживс?

— Да, сэр. В этом отношении женщины ведут себя странно.

— Решать надо было немедленно. Того, что осталось после катастрофы, хватило, чтобы поместить мопса на шесть недель в «Комфортабельный собачий питомник» в Кингсбридже, это в графстве Кент. А сам я без гроша в кармане бросился искать место преподавателя. Подвернулся этот сорванец Томас. И вот я здесь.

Слов нет, печальная повесть, но, как ни ужасно постоянное общение с тетей Агатой и юным Тосом, по-моему, Бинго успешно выкрутился из труднейшего положения.

— Тебе осталось потерпеть несколько недель, и все устроится в наилучшем виде.

Бинго мрачно хмыкнул:

— Всего несколько недель! Буду счастлив, если продержусь тут еще несколько дней. Помнишь, я тебе говорил, что вера твоей тетки в меня как в наставника ее тупицы-сыночка пошатнулась, когда его застукали с сигаретой? Оказывается, застукал Тоса этот самый Филмер. Десять минут назад Томас мне объявил, что готовит страшную месть Филмеру за то, что тот наябедничал твоей тетке. Не знаю, что паршивец задумал, но если он осуществит свою месть, мне конец. У твоей тетки на Филмере свет клином сошелся, она вы-

ставит меня в два счета. А Роза вернется только через три недели!

Я все понял.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я все понял. А вы поняли?

— Да, сэр.

— В таком случае сплотим ряды.

— Боюсь, сэр...

Бинго тихо застонал.

— Дживс, только не говорите, что вам ничего не приходит в голову, — проговорил он срывающимся голосом.

— В данный момент ничего не приходит. Весьма огорчен, сэр.

Бинго жалобно заскулил, как бульдог, которому не дали печенья.

— Ладно, тогда мне остается только одно, — мрачно сказал он, — ни на минуту не спускать глаз с этого кретина.

— Совершенно верно, — сказал я. — Неустанная бдительность, да, Дживс?

— Несомненно, сэр.

— И все-таки, Дживс, — сказал Бинго тихим, проникновенным голосом, — вы ведь обдумаете мое положение, правда?

— Несомненно, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не за что, сэр.

Надо сказать, что когда наставала пора решительных действий, Бинго проявлял энергию и упорство, вызывающие невольное уважение.